DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.072

УДК 811.161.1'373.612.2 + 811.161.1'42 +
+ 81'374.2

О. Е. Фролова

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

О МЕТАФОРЕ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ПРЕСТУПНИК»

В статье рассматриваются переносные значения лексико-семантической группы «Преступник». Состав группы определен на основании сплошного просмотра законодательных документов: Уголовного кодекса и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в результате чего была выделена группа наименований правонарушений. Номинация правонарушения терминологична. Номинация же деятеля принадлежит общелитературному языку. В составе группы «Преступник» более 60 единиц наименований преступников, из которых 18 слов многозначны. Метафорические значения определены в ходе анализа толковых словарей. Показано изменение некоторых переносных значений в начале XXI в. В составе группы «Преступник» выделены четыре подгруппы, в зависимости от характера оценки, присутствия семантики ущерба, указания на других участников ситуации: а) независимо-негативно-оценочная; б) амбивалентно-оценочная; в) негативно-оценочная; г) относительно-негативно-оценочная. Употребление имен деятелей в речи проиллюстрировано на материале Национального корпуса русского языка. Показано, что переносные значения единиц группы объединены семантикой наивного обвинительного уклона, который выражается в несоответствии номинации и ситуации, отраженной в речи, а также нанесенного ущерба. В повседневной коммуникации адресант часто выбирает лексическую единицу, несущую отрицательную информацию, не соотносясь с фактивной составляющей значения: в норме *N* + глагол-связка + 'мошенник', поскольку имело место мошенничество. Подобные предикатные номинации в непрофессиональном общении становятся средством выражения мнения и отрицательной оценки говорящим адресата или иного лица.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексико-семантическая группа «Преступник»; переносное значение; метафора; толковый словарь; Национальный корпус русского языка; оценка; ущерб; ситуация; наивный обвинительный уклон.

В языке отражается наивный взгляд на мир, зафиксированный преимущественно в лексике [Апресян, 1986; 1995; Зализняк; Зализняк, Левонтина, Шмелев; Телия; Чулкина; Brown, Lenneberg; Lenneberg; Sapir; Wierzbicka; Whorf], однако в усложненной современной коммуникации происходит взаимовлияние общелитературного и специальных языков, что нельзя не учитывать при реконструкции языковой картины мира в ее речевом воплощении. Это выражается в том, что некоторые группы лексики испытывают воздействие официально-делового дискурса, а также различных профессиональных языков [Карасик; Лейчик]. Так, официальный язык законодательных документов взаимодействует с литературным языком, который используют люди в повседневном обиходе [Малюкова]. Н. Д. Голев справедливо полагает, что обыденное сознание осваивает научные, в том числе юридические, термины неравномерно, что создает у носителя языка иллюзию понимания, поскольку носитель литературного языка не осознает, что обращение к специальным законодательным текстам может требовать навыков декодирования, т. е. перевода со специального языка на общенародный [Голев]. Проблема состоит в осознании различий в семантике одних и тех же единиц, принадлежащих литературному языку и системе терминов, что предполагает или перекодирование специальных текстов на литературный язык, или комментирование случаев неполной синонимии, разного объема понятий, случаев полисемии терминов и слов общелитературного языка.

Мы намереваемся рассмотреть лексико-семантическую группу «Преступник», поскольку она принадлежит литературному языку, но имеет тесные связи с системой юридических терминов. В словообразовательном гнезде (глагол, имя действия и имя деятеля) к терминам, как правило, относятся только существительные, называющие противоправные деяния. В юридических документах употребляются абстрактные имена, названия же преступников являются словами общелитературного языка. Закон говорит о *преступлении*, *краже*, *коррупции*, *убийстве*, но не о *преступнике*, *воре*, *коррупционере* и *убийце*. Чаще всего в юридических текстах преступник описывается с помощью конструкции, включающей существительное *лицо* и причастный оборот. В интересующей нас лексико-семантической группе и специальному, и общелитературному языкам принадлежат только две единицы: *правонарушитель* и *преступник*.

Целью данного исследования является выявление специфики метафорического переноса в группе имен преступников. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

а) на основании сплошной выборки из «Уголовного кодекса» и «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» определить группу наименований правонарушений;

б) проанализировав список правонарушений, сформировать лексико-семантическую группу «Преступник»;

в) в данной группе выявить многозначные единицы;

г) сгруппировать выявленные единицы по значениям;

д) проиллюстрировать их употребление в речи на материале Национального корпуса русского языка.

Сплошная выборка из Уголовного кодекса Российской Федерации [УК] и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [АК] позволяет выделить более 60 терминологических наименований правонарушений, представляющих собой имена действий. В литературном языке обнаруживаем аналогичное количество номинаций преступников, которые словообразовательно связаны с юридическими терминами: *алиментщик, бандит, безбилетник, браконьер, бродяга, вандал, взяточник, вор, вымогатель, грабитель, дебошир, дезертир, диверсант, должник, доносчик, живодер, жулик, иждивенец, изменник, каннибал, киллер, клеветник, контрабандист, коррупционер, лжесвидетель, манипулятор, мародер, многоженец, мошенник, мятежник, наемник, наркодилер, насильник, нацист, неплательщик, пират, подстрекатель, попрошайка, пособник, похититель, правонарушитель, предатель, преступник, провокатор, проститутка, рабовладелец, работорогвец, разбойник, растратчик, рейдер, сепаратист, соучастник, сутенер, террорист, тунеядец, убийца, угонщик, уклонист, укрыватель, фальсификатор, фальшивомонетчик, фашист, хакер, хулиган, шантажист, шпион, экстремист.*

В «Русском идеографическом словаре» слова, обозначающие преступников, отнесены к различным концептам: в рубрику «Вражда» включены *обидчик, притеснитель, противник*; «Клевета» — *анонимщик, доносчик, доноситель, клеветник, стукач, фискал, ябеда*; «Лень» — *тунеядец*; «Ложь» — *врун, лгун, жулик, мошенник, обманщик, плут*; «Суд» — *преступник* [РИС, с. 993–1015]. В словаре выделены подгруппы номинаций преступников, чьи правонарушения являются неречевыми и речевыми, к последним относятся правонарушения, основанные на лжи и клевете [Там же, с. 1002], однако данные концепты автор полагает различными [Там же, с. 1001]. Как видим, попытка соотнести преступление и правонарушение с малыми концептами не обнаруживает единства, поскольку авторы, исследуя семантические связи между словами в языке и речи, не опираются на понятие ущерба, чрезвычайно важное в профессиональном юридическом дискурсе.

Сопоставление толкований по нескольким словарям: «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [МАС], «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова], «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов» [ТСРЯПС], «Современному толковому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова] и «Большому толковому словарю» [БТС] — свидетельствует о том, что количество переносных значений в лексико-семантической группе «Преступник» словари выделяют по-разному (см. табл. 1).

Таблица 1

Наличие переносных значений в лексико-семантической группе «Преступник»

Слово	Словари				
	МАС	Ожегов, Шведова	ТСРЯПС	Ефремова	БТС
<i>бандит</i>	—	—	—	+	+
<i>бродяга</i>	+	+	+	+	+
<i>должник</i>	+	—	—	+	+
<i>живодер</i>	+	—	—	+	+
<i>жулик</i>	+	—	—	+	+
<i>иждивенец</i>	—	—	—	+	+
<i>изменник</i>	+	—	—	—	+
<i>мошенник</i>	+	—	—	—	+
<i>пират</i>	—	+	+	+	+
<i>попрошайка</i>	+	+	+	+	+
<i>преступник</i>	—	—	+	+	+
<i>провокактор</i>	+	+	+	+	+
<i>проститутка</i>	+	—	—	—	+
<i>разбойник</i>	+	+	+	+	+
<i>убийца</i>	—	—	—	—	+
<i>фашист</i>	—	+	+	+	+
<i>хулиган</i>	—	—	—	—	+
<i>шпион</i>	+	+	+	+	+

В [МАС] многозначны лишь 10 единиц, в [Ожегов, Шведова] и [ТСРЯПС] переносные значения отмечаются соответственно лишь у 7 и 8 слов; в [Ефремова] таких единиц 14. Анализ семантики всего списка имен деятелей по [БТС] показывает, что данный лексикографический источник выделяет 18 многозначных слов: *бандит, бродяга, должник, живодер, жулик, иждивенец, изменник, мошенник, пират, попрошайка, преступник, провокактор, проститутка, разбойник, убийца, фашист, хулиган, шпион*. Сопоставление данных [МАС] как словаря XX в., [Ефремова] и [БТС] свидетельствует о развитии характеризующей семантики в данной группе.

Словарные толкования переносных метафорических значений демонстрируют семантическую неоднородность, вышеприведенные единицы могут быть объединены в четыре группы. Основания для подобного объединения имен внутри лексико-семантической группы «Преступник» следующие: а) наличие переносного характеризующего значения, зафиксированного в толковом слове; б) наличие / отсутствие состава преступления или правонарушения, отраженного в законе; в) характер оценки в составе переносного значения имени; г) наличие смыс. 'ущерб' в составе переносного значения; д) наличие / отсутствие других участников ситуации, отраженных в семантике имени.

Первую подгруппу назовем *независимо-негативно-оценочной*, в нее входит слово *иждивенец*. Особенности семантики данного существительного заключаются в том, что оно терминологично в прямом значении, однако не связано с правонарушением. *Иждивенец* «1. Человек, находящийся на чьем-л. иждивении» [БТС, с. 376], более пространное толкование дает специальный словарь: «в российском праве лицо, получающее от других лиц полное материальное содержание или постоянную материальную помощь, которая является для него основным источником средств существования. И. наделен определенными правами в области пенсионного обеспечения возмещения вреда, причиненного смертью кормильца; наличие И. учитывается при выплате некоторых видов пособий и компенсаций» [БЮС]. Существительное *иждивенец* получает отрицательную стилистическую окраску не в прямом, специальном, а в переносном, неюридическом, значении: «тот, кто постоянно пользуется помощью со стороны, не используя свои силы, собственные средства и т. п.» [БТС, с. 376], эта семантика никак не отражена в законодательных документах. Различие между терминологическим, нейтральным, и нетерминологическим, отрицательно маркированным, значением состоит в невозможности в первом или нежелании человека самостоятельно обеспечивать себя во втором случае.

Сопоставляя толкования в словарях XXI и XX в., мы должны признать, что в [МАС] характеризующее значение у слова *иждивенец* не отражено: его семантика толкуется как «человек, находящийся на чьем-л. иждивении» [Там же, т. 1, с. 633], значение же слова *иждивение* интерпретируется как «обеспечение какого-л. лица средствами к существованию, содержанию» [Там же, с. 634]. Однако, не фиксируя переносное значение слова *иждивенец*, [МАС] приводит паронимы *иждивенство* и *иждивенчество*: семантика первого связывается с «обеспечением какого-л. лица средствами к существованию, содержанием» [Там же, т. 1, с. 634], а второго со «стремлением жить на готовом, рассчитывать на чью-л. помощь» [Там же], следовательно, отрицательные коннотации, связанные с жизнью за чужой счет, уже присутствуют в языке. [БТС] сохраняет традицию различения данных слов, связывая *иждивенчество* с переносным значением личного существительного *иждивенец*. *Иждивенец* в прямом значении тяготеет к актантному, а в переносном — к предикатному употреблению.

Употребление слова *иждивенец* в переносном значении встречается как в Публицистических текстах (1), так и в неформальном общении на форумах в интернете (2). В примере (2) в одном и том же контексте употреблены слова *иждивенец* в метафорическом значении и абстрактное существительное *иждивенчество*.

(1) *Возлагая на власть тотальную заботу о благополучии и «кормлении», связывая с ней несбыточные мессианские мечтания, общество невольно превращается в иждивенца, лишённого инициативы и ответственности* (Игорь Андреев. «Грабли» истории // «Знание-сила», 2012) [НКРЯ].

(2) [Борис Титов, nick] *Главное — за счет раздачи части нефтяных денег — замаслить население подачками, с тем, чтобы отпало любое желание что-либо менять.*

*В результате мы стимулируем лень, пассивность, **изживенчество**, отрицание всего нового. Но это решение тактическое — долго так быть не может. — Во-первых, нефть всю жизнь дорожать не может. Во-вторых — психология **изживенцев** такова, что им никогда не хватит. Сегодня ублажили — подняли пенсии на 45 %, завтра придется на 50 % — иначе недовольство. Левый поворот состоялся — сегодня нам срочно надо «направо». Раздача только тем, кто не может заработать сам, — остальные в «поля» — в жесткие условия конкуренции — только так мы сможем выжить (коллективный форум «Наше правительство совершает глубочайшую ошибку» (2010)) [НКРЯ].*

Вторую подгруппу назовем *амбивалентно-оценочной*. В нее вошли слова *бандит, бродяга, разбойник, хулиган*, объединяемые достаточно сильной трансформацией прямого номинативного значения. Обращаясь к словарю, выясняем значения входящих в группу существительных: *бандит* «шутл. Об озорном, непослушном ребенке» [БТС, с. 58], *разбойник* «(обычно в обращении, иногда *ласк.*) сорванец, сорвиголова, негодник» [Там же, с. 1060], *хулиган* «о дерзком, злом озорнике» [Там же, с. 1456]. У слова *бродяга* словарь отмечает два переносных значения: «2. *разг.* О том, кто любит странствовать, менять место жительства, работы <...>. 3. *разг.* О том, кто вызывает удивление, восхищение своим проворством, изворотливостью» [Там же, с. 97]. Оба значения не связаны с бродяжничеством, включенным в статью Уголовного кодекса. Значение, отмеченное как третье, реализуется в контекстах, когда говорящий хочет выразить не порицание, а восхищение.

Как видно из приведенных толкований, метафорические номинации объединяются отказом от описания противоправного предосудительного поведения и причиненного им ущерба. В значениях данных слов нет указаний на иных участников ситуации. Синтаксически данная группа слов тяготеет к позиции предиката. По крайней мере, для двух единиц данной группы — *бандит* и *разбойник* — словарь указывает возможность референции к детям: примеры (3), (5), (6). Довольно часто переносные номинации второй группы употребляются также применительно к животным.

(3) *После того как всех **бандитов** уложили спать, Конь слез с телефона, а я перестал нервничать, представляя счет от телефонной компании, который прибудет после его задушевного трепа с Лэри, словом, когда все стихло, и мы со Сфинксом остались на веранде одни, я спросил его, где он откопал этого мальчишку (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)) [НКРЯ].*

(4) *Потому как он весь был **капустой** нашинкованный, да не простой, а зеленой. Там бабки столбом стояли. И котлетами, и кирпичами целыми, в пакетах запаянные. Эти посмотрели и давай щериться: ну ты силен, **бродяга!** Не обманули нас, и насчет тебя, да и насчет башлей этих. Все в цвет сошлось. Сидорок здоровый мне кинули, мол, собирай, пора когти рвать (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)) [Там же].*

Устойчивая конструкция *ты силен, бродяга*, произносимая с акцентом на прилагательном, как правило, выражает положительную оценку говорящим чьего-либо поведения или поступка.

(5) *Лариса родом из Омска. Папа — речной капитан, мама — учительница средней школы, преподает русский и литературу. Лариса тоже училась на агронома, их институт шефствовал над госпиталем, где лечился Вадим Петрович. Там и скрестились их пути, и дошефствовала она до **разбойника** этого горластого. — Пал боец? Положите его, положите. Конечно, очень трудно, — продолжала Лариса разговор, занимаясь у плиты, — но духом люди не падают, надеются на лучшее* (Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)) [НКРЯ].

(6) — *Ты че-чего дерешься! — услышал я вдруг за спиной Костин голос. — Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! **Хулиган** какой! Я оглянулся и увидел, что невдалеке от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.*

— *Я скачу, — затрещал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину, — вижу, в траве овёс лежит, нагнулся — слышу, у меня из хвоста кто-то перо дергает! Хулиганство какое! (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)) [Там же].*

Третью подгруппу назовем негативно-оценочной, в нее, с нашей точки зрения, следует включить слова *живодер*, *проститутка*, *фашист*: данные имена в своей семантике теряют связь поведением, наносящим кому-либо ущерб, но отражают отрицательные черты характера человека и несут соответствующую коннотацию. Три личных имени описывают свойства человека: *живодер* «о жадном, наживающемся за счет других человеке» [БТС, с. 304]; *проститутка* «разг. О ком, чем-л. продажном, крайне беспринципном» [Там же, с. 1027]; *фашист* «бран. О крайне агрессивном, злобном человеке» [Там же, с. 1418]. Существительное *проститутка* в переносном употреблении стремится расширить актуализацию имени, называя и лиц мужского пола.

(7) *Он получил, как и все другие родители, приглашение на экзамен. Не торгуясь с **живодером**-извозчиком, он нанял его за четвертной и поехал, пообещав на водку. Важные лица были приглашены на экзамен, и торговаться с извозчиком Сергей Львович почел бы на сей раз мелочной скаредностью* (Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)) [НКРЯ].

В примере (7) по контексту ясно, что извозчик назван *живодером*, поскольку он запросил слишком высокую, с точки зрения пассажира, цену.

(8) *Когда тетя Регина вернулась домой, за столом на кухне сидели Жанна с Сашкой. В коридоре стоял чемодан. Жанна ела холодный фытчин. Тетя Регина обозвала невестку **проституткой** и вышвырнула за порог Жаннин чемодан. Жанна расплакалась и убежала. Сашка убежал за Жанной. Тетя Регина стояла на лестничной клетке, и все соседи слышали, как она поливает Жанну отборным матом на двух языках — русском и осетинском* (Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)) [Там же].

Номинация *проститутка* в примере (8) не свидетельствует ни об измене молодой женщины своему мужу, ни о том, что она оказывала сексуальные услуги за деньги, свекровь всего лишь таким образом выражает свое неодобрение ее поведения.

(9) *У нас один Васька Крутой взял. Младшему пацану восемь лет, а он рядом с отцом за плугом идет. У него, если наймешься на работу — не украдешь, не поспишь.*

Фашист!» (Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013) [НКРЯ].

Подобным образом размывается прямое значение слова *фашист*, предполагающее приверженность человека определенным взглядам и политической партии.

В четвертую, релятивно-негативно-оценочную, подгруппу мы включили слова *должник*, *изменник*, *попрошайка*, *преступник*, *провокактор*, *убийца*, *шпион*, сохраняющие ослабленную семантику ущерба. Данная группа отличается от третьей тем, что употребление в речи требует прямого или имплицитного упоминания второго партиципанта ситуации. Часть словарных толкований отражает эту общую закономерность: *должник* «о том, кто чем-л. обязан кому-л.» [БТС, с. 271]; *изменник* «разг. нарушитель верности в любви, дружбе» [Там же, с. 382]; *попрошайка* «пренебр. тот, кто назойливо выпрашивает что-л. у кого-л.» [Там же, с. 923]; *преступник* «тот, кто совершил что-л. предосудительное, недопустимое, вредное для кого, чего-л.» [Там же, с. 967]; *провокактор* «тот, кто провоцирует что-л.; подстрекатель» [Там же, с. 1002]; *убийца* «разг.-сниж. О человеке, который совершил (или совершает) по отношению к кому-л. что-л. подлое, жестокое» [Там же, с. 1363]; *шпион* «разг.-сниж. тот, кто следит за кем-л., выслеживает кого-л., доносит на кого-л.» [Там же, с. 1504]. Второй партиципant не упомянут только в толковании слова *изменник*, однако его позиция задана валентностью существительного *верность*. Для большинства существительных словарь дает стилистическую помету «разг.» или «разг.-сниж.». Перечисленные выше имена, как и слова трех описанных групп, тяготеют к предикатной позиции в предложении.

- (10) — О боже! Благодарю! — восклицает отец. — Я ваш **должник!**
— Я не завожу ни долгов, ни **должников**, — отрезает продащица. — То просто мой бизнес, — говорит она очередное незнакомое Насте слово.
— Всё равно спасибо, — говорит папа (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)) [НКРЯ].

В примере (10) в конфликтном диалоге сталкиваются употребления существительного *должник* в переносном и прямом значениях.

- (11) Сегодня это модно. Например, проклятый **изменник** приехал к любовнице. А жена выследила, подкралась, и ну долбить (Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010)) [Там же].

Пример (11) демонстрирует сужение объема понятия при формировании переносного значения существительного *изменник*, связанного с предательством только в сфере отношений между мужчиной и женщиной.

- (12) Берлиоз не стал слушать **попрошайку** и ломаку регента, подбежал к турникету и взял за него рукой (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)) [Там же].

(13) *Я обмануль! Я ужасный преступник! Теперь я буду несчастен весь свой лайф!* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)) [НКРЯ].

(14) — *Пацаны, чего зырите! Бей провокатора! Петька несильно толкнул Борьку в грудь. «Провокатор» не отступил. Но пацаны, воробьями облепившие поленицу, угрюмо ковыряли в носах* (Геннадий Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013) [Там же].

(15) *«Всё пропало... Ну до чего дошли, сами нагадят и сами же ещё раз гадят! — Начмед хныкал и хныкал, как обворованный. — Убийцы... Недоумки... Такое и в Москву!»*

Но раздался вкрадчивый сочувственный голос: «Ну ошибочка вышла, а кто не ошибается?» (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001) [Там же].

(16) *После того в одном из портов продал Фёдор кот-шпиона французскому матросу с помпоном на шапке, соблазненному редкостью мастью* (И. Грекова. Фазан (1984)) [Там же].

Слова *попрошайка* и *шпион* могут употребляться в отношении к животным (16).

К этой же группе мы относим существительное *пират*. Его фигуративное значение реализуется в словосочетании с прилагательным: «(с *отр.*). О том, кто ведет себя подобно пирату; разбойник, грабитель» [БТС, с. 833]. На наличие второго партиципанта указывает слово *грабитель* в толковании, поскольку для ограбления нужен пациенс. [БТС] при интерпретации семантики этого слова поступает непоследовательно: в его словник включено слово *видеопиратство* с более точным толкованием «противозаконное тиражирование видеофильмов с целью их продажи или платного проката» [Там же, с. 129]. В более поздних словарях находим иное толкование существительного *пират*: «хакер, профессионально занимающийся снятием с программ защиты от копирования и нелегальным копированием программ с закрытых серверов» [Ефремова, т. 2, с. 722, 723]; «перен. лицо или организация, занимающаяся незаконным копированием и распространением чужой аудио- и видеопродукции, компьютерных программ, книг и т. п.» [ТСРЯ 21, с. 732]. В словаре Т. Ф. Ефремовой дается более узкое толкование, у Г. Н. Складневской более широкое, поскольку нелегальное копирование и распространение касается различных продуктов интеллектуальной деятельности. В отличие от приведенных выше единиц третьей группы, слово *пират* в переносном значении сохраняет номинативную функцию, выступая как один из актантов предиката.

(17) *И проклиная всех воздушных пиратов планеты, я зарысил к самолету наискосок взлетного поля вместе со жгучей поземкой и всеми тревогами мира конца двадцатого века* (Виктор Конецкий. Начало конца комедии (1978)) [НКРЯ].

(18) *Великий искатель чужого богатства. Сухопутный пират двадцатого века. Надо будет для него подобрать народные поговорки к случаю: «На чужой каравай рот не разевай» или что-нибудь в этом роде* (Владимир Железников. Каждый мечтает о собаке (1966)) [Там же].

В примерах (17), (18) отражено переносное употребление слова *пират* в атрибутивных словосочетаниях.

Обращение к Национальному корпусу показывает, что тенденция употребления слова в переносном значении в современной речи касается, в основном, лиц, нарушающих лицензионные соглашения о распространении интеллектуальной продукции.

(19) — Мне самому наиболее удачной кажется вот эта модель женского плащика из винила. Можно сказать, суперновинка! Выкройки я выудил в Интернете. Какой-то **пират** распространил их буквально на следующий день после показа в Милане новой коллекции «Гуччи». Правда, получилось не очень похоже, но тоже ничего.

— Действительно классный плащик! Ближе к осени пойдет на «ура», согласилась Наталья Ивановна (Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)) [НКРЯ].

(20) Они только ждут, когда он закончит, чтоб тут же захватить рукопись. И этим они его будут шантажировать. «Отдадим, но при условии — положите злую сумму в такой-то банк на такое-то имя». Или просто — продадут каким-нибудь **пиратам** из желтой прессы. Мы себе даже не представляем, какие у них возможности, связи во всем мире. И ведь он перед ними совершенно беззащитен. Он же — вне закона! (Георгий Владимов. Не обращайтесь вниманья, маэстро (1982)) [Там же].

Существенное различие в описываемых ситуациях заключается в том, что в примере (19) при нанесении ущерба правообладателю не подразумевается получение выгоды распространителем материалов в интернете. В примере (20) описывается ситуация похищения чужой интеллектуальной собственности и ее продажи, т. е. обогащения за чужой счет.

Подводя итоги, попытаемся определить общий вектор переноса в метафорических значениях лексико-семантической группы «Преступник». Единицы всех четырех выделенных нами подгрупп объединяются тем, что говорящий выбирает номинацию, не соответствующую величине ущерба, который мог быть нанесен в результате поступка участника ситуации. В этом смысле имеет место «сгущение красок» и преувеличение. Слово *изживденец* уникально с точки зрения характера переноса, поскольку в юридических документах термин не подразумевает ни негативной информации, связанной с противоправными деяниями, ни отрицательной оценки. Данное слово приобретает отрицательные коннотации в своем фигуративном значении. Лишь в амбивалентно-оценочной подгруппе ущерб может вообще не подразумеваться. Единицы негативно-оценочной подгруппы отражают, скорее, отрицательные, не одобряемые говорящим, черты характера. Релятивно-негативно-оценочная подгруппа отличается от других тем, что и содержит сему ущерба, и отражает присутствие другого участника ситуации, которому нанесен ущерб. Итак, можно сказать, что единицы лексико-семантической группы «Преступник» объединяются наличием наивного обвинительного уклона, выражающегося в «несоответствии» выбранной номинации описываемой ситуации, т. е. при употреблении имен, в прямом значении связанных с нарушением закона, носитель языка выбирает именно эти единицы, чтобы описать поступок или поведение человека, не пренебрегающего юридических норм.

Источники

АК — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.03.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 25.04.2016).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

УК — Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191695;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.21910106488814862> (дата обращения: 25.04.2016).

Исследования

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28 : сб. ст. / отв. ред. А. И. Михайлов. М. : ВИНТИ, 1986. С. 5–33.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37–57.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002.

БЮС — *Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А.* и др. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://i.booksgid.com/web/online/13486> (дата обращения: 25.04.2016).

Голев Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика–5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. С. 39–57.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : Астрель, 2006.

Зализняк Анна А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] // Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,8 (дата обращения: 25.04.2016).

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопр. языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.

Малюкова Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2005.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999.

РИС — Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М. : Наука, 1988. С. 173–204.

ТСРЯ 21 — Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под. ред. Г. Н. Складчиков. М. : Эксмо, 2008.

ТСРЯПС — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008.

Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. 3-е изд., стер. М. : Эдиториал УРСС, 2009.

Brown R., Lenneberg E. A study in language and cognition // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1954. 49 (3). P. 454–462.

Lenneberg E. Cognition in Ethnolinguistic // *Language* (Linguistic Society of America). 1953. 29 (4). P. 463–471.

Sapir E. *Language: An Introduction to the Study of Speech*. Harcourt : Brace, 1921.

Whorf B. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* / ed. by J. B. Carroll. Massachusetts : MIT Press, 1956.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture specific configurations*. New York : Oxford Univ. Press, 1992.

Статья поступила в редакцию 15.07.2016 г.

Фролова Ольге Евгеньевна

доктор филологических наук,
заведующая лабораторией фонетики
и речевой коммуникации
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1,
стр. 51, филологический факультет
E-mail: olga_frolova@list.ru

Frolova, Olga Yevgenyevna

Dr. Hab. (Philology)
Head of the Laboratory of Phonetics
and Speech Communication
Moscow State University
1 – 51, Leninskie Gory, 1
Humanities Building, GSP-1
119991 Moscow, Russia
E-mail: olga_frolova@list.ru

ON METAPHOR IN THE LEXICAL SEMANTIC GROUP “CRIMINAL”

The article deals with figurative meanings of the lexical semantic group “Criminal”. The composition of the group is determined by means of continuous sampling from legislative documents, namely, the Criminal Code of the Russian Federation and the Russian Federation Administrative Offence Code, which enables the author to single out the names of criminal offences and demonstrate that they are terminological in their nature, while the names of offenders are part of common literary vocabulary. There are over 60 words that make up the group of words denoting criminals, and 18 of them are polysemantic. Their metaphorical meanings are determined with the help of explanatory dictionaries. The author demonstrates how their metaphorical meanings have developed in the early 21st century. The group of words denoting criminals consists of four subgroups selected depending on the character of the evaluation, the presence of semantics of harm done by the criminal, and involvement of other participants in the situation. Thus, the author singles out such groups as *a) independent negative evaluational; b) ambivalent evaluational; c) negative evaluational; d) relative negative evaluational*. The use of words denoting offenders in speech is illustrated with reference to the Russian National Corpus. The author demonstrates that the figurative meanings of the items of the group are united by the semantics of naïve accusation, which is expressed by the discrepancy of the denomination and the situation reflected in speech, as well as harm done. In everyday communication, the addresser chooses a word with a negative connotation without complying with the factual component of the meaning: the pattern *N + linking verb + ‘fraud’* is a usual one as long as there has been an act of fraud. Such predicative

nominations outside of a professional context are a means to express an opinion or a negative evaluation of an addressee or any other person.

Key words: lexical and thematic group “Criminal”; figurative meaning; metaphor; explanatory dictionary; Russian National corpus; estimate; harm; situation; naïve accusatory bias.

Apresyan, Yu. D. (1986). Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira [Deixis in Vocabulary and Grammar, and a Naïve Model of the World]. In A. I. Mikhaylov (Ed.), *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science] (Issue 28, pp. 5–33). Moscow: VINITI. (In Russian)

Apresyan, Yu. D. (1995). Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija [The Image of the Person According to Linguistic Data: An Attempt of Systematic Description]. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 37–57. (In Russian)

Brown, R., & Lenneberg, E. (1954). A Study in Language and Cognition. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 49 (3), 454–462.

Chulkina, N. L. (2009). *Mir povsednevnosti v jazykovom soznanii russkikh. Lingvokul'turologicheskoe opisanie* [The World of Everyday Life in Russian Linguistic Consciousness: A Linguocultural Description] (3rd ed.). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Dodonov, V. N., Ermakov, V. D., Krylova, M. A., Palatkin, A. V., Panov, V. P., & Trofimov, V. N. *Bol'shoj juridicheskij slovar'* [Great Dictionary of Law]. Retrieved from <http://i.booksgid.com/web/online/13486>. (In Russian)

Efremova, T. F. (2006). *Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–3). Moscow: Astrel'. (In Russian)

Evgenyeva, A. P. (1985–1988). *Slovar' russkogo iazyka* [A Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). (3rd ed.). Moscow: Russkii iazyk: Poligrafresursy. (In Russian)

Golev, N. D. (2004). O specifikе jazyka prava v sisteme obschenarodnogo jazyka i ee juridicheskogo funkcionirovanija [On the Specifics of the Language of Law in the National Language System and Its Juridical Functioning]. In N. D. Golev (Ed.), *Jurislilingvistika-5: Juridicheskie aspekty iazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Jurislinguistics-5: Legal Aspects of Language and the Linguistic Aspects of Law] (pp. 39–57). Barnaul: Altai State University Press. (In Russian)

Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa [On Discourse Types]. In V. I. Karasik, G. G. Slyshkin (Eds.), *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [A Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse] (pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russian)

Kuznetsov, S. A. (2002). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)

Lenneberg, E. (1953). Cognition in Ethnolinguistic. *Language* (Linguistic Society of America), 29 (4), 463–471.

Leychik, V. M. (1986). O jazykovom substrate termina [On the Linguistic Substratum of a Term]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 87–97. (In Russian)

Maliukova, E. V. (2005). *Juridicheskaja terminologija v sistemocentricheskom i antropocentricheskom aspektakh* [Legal Terminology in the System-centric and Anthropocentric Aspects] (doctoral dissertation). Bijsk. (In Russian)

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Ju. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Sapir, E. (1921). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. Harcourt: Brace.

Shvedova, N. Ju. (Ed.). (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vklucheniem cvedenij o proishozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Origins of Words]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Shvedova, N. Ju. (Ed.). (2011). *Russkij ideograficheskij slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhajushchem mire (80 konceptov, odnosjashchikhsja k dukhovnoj, mental'noj i material'noj sferam zhizni cheloveka)* [Russian Thesaurus: The World of Man and Man in the Surrounding World (80 Concepts

Related to the Spiritual, Mental, and Material Spheres of Human Life)]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka nachala XXI veka. Aktual'naja leksika* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century. Living Lexicon]. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Telia, V. N. (1988). Metaforizacia i eje rol' v sozdanii jazykovoj kartiny mira [Metaphorisation and Its Role in the Creation of a Linguistic Worldview]. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language. Language and Worldview] (pp. 173–204). Moscow: Nauka. (In Russian)

Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture Specific Configurations*. New York: Oxford University Press.

Whorf, B. (1956). *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. Massachusetts: MIT Press.

Zaliznyak, Anna A. (n. d.). Jazykovaja kartina mira [Russian Linguistic Worldview]. *Krugosvet*. Retrieved from http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,8. (In Russian)

Zaliznyak, Anna A., Levontina, I. B., & Shmelyov, A. D. (2005). *Kljuchevyye ideji russkoj jazykovoj kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Received on 15 July, 2016